

УДК 93:303.093

Игорь Леонидович Гапонцев

соискатель

Учреждения Российской академии наук

Института философии и права

Уральского отделения РАН

г. Екатеринбург

8-912-214-21-84 gil5584@yandex.ru

**XX ВЕК – «ТОЧКА БИФУРКАЦИИ»
ИСТОРИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ КАПИТАЛИЗМА
(критический анализ миросистемного взгляда
на историю XX столетия)**

В статье представлен критический анализ миросистемной интерпретации истории XX столетия. Выдвинута гипотеза о зависимости внутреннего структурирования и моделей развития в социальных системах от степени дефицита внешних ресурсов. Этот подход позволяет интерпретировать историю XX – начала XXI в. как процесс постепенной трансформации рыночной миросистемы в иную модель самоорганизации.

Точка бифуркации, миросистемный анализ, миросистема, мироэкономика, модель развития, система, среда, ресурсы, ресурсный дефицит, редистрибуция, рынок, демократия.

В современном общественном сознании детерминизм не в моде. Так, стандартной позицией сторонников миросистемного анализа и многих других левых течений в общественном сознании является утверждение о том, что «современная глобализация дает возможность капиталистической экономической системе доминировать над политической властью», так, что «только *политика* в широком смысле этого слова может выступать как противодействующая сила» (курсив – *И.Г.*) [7, с. 296]. Или, иными словами, «альтернативы (капитализму – *И.Г.*) действительно существуют, и они, безусловно, могут быть реализованы. В конечном счете, *их реализация зависит от желания и воли их осуществить*» (курсив – *И.Г.*). При этом отмечается, что продвижение в сторону «более гуманного» некапиталистического общества предполагает решение краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных задач, но все они «так или иначе связаны с *регулируемостью*» [7, с. 297].

В данной статье предпринята попытка показать, что движение в сторону и «гуманизации», и «регулируемости» имеет в своей основе не столько ценности, цели и революционное действие определенных социальных групп, сколько обстоятельства, лежащие в *иной*

плоскости, что само это движение *не зависит от воли и желания каких-либо «субъективных факторов».*

«Короткий» XX в. начался в 1914 г. с началом первой мировой войны. Потом была социалистическая революция в России, приход к власти в Германии нацистов, вторая мировая война, создание «социалистической системы», крушение колониализма и наконец – «крах коммунистических режимов».

Основной «сущностной» причиной, стоящей за всеми этими событиями, сторонники миросистемного анализа полагают «нормальное» действие механизма капиталистического накопления, реализующего себя через смену «системных циклов накопления» или «циклов гегемонии», которая сопровождается «финансиализацией», обострением межгосударственной борьбы за «мобильный» капитал [2]¹, обострением международной обстановки и «тридцатилетней войной» между двумя новыми претендентами на гегемонию в миросистеме, в которой «более морская» держава всегда побеждает «более сухопутную» [5, с. 65; 6, с. 29-33]. Все это типично в одинаковой степени как для первой половины XX столетия, так и для предыдущих эпох, когда происходила смена гегемоний, например для первой половины XVI в. или для конца XVIII – начала XIX в.

Феномен «реального социализма» И. Валлерстайн, в духе «новых левых», считает «неполноценным» опытом построения демократической и эгалитарной исторической системы и попросту его *игнорирует*. Для него СССР – геополитический пособник США, вступивший с последними в молчаливый сговор и помогающий им осуществлять контроль над теми частями земной поверхности, куда у них «руки не доходят», а вся социалистическая система – полупериферия Запада [4, с. 18, 20-23; 6, с. 14-19; 3, с. 68-69]. «Конец капитализма» поэтому, с точки зрения миросистемного анализа, еще впереди, в XXI в. Что именно придет ему на смену – определенно предсказать невозможно. «Мы не знаем, какой тип исторической системы придет на смену существующему», – пишет И. Валлерстайн [4, с. 104]².

Стоит отметить, что для либералов «реальный социализм» – плод злонамеренного «эксперимента» коммунистов. Обе позиции поэтому методологически базируются на одном и том же предположении, что некая кучка людей способна по своей воле произвольным образом изменить ход истории за семьдесят лет «на одной шес-

¹ В своей более поздней работе Дж. Арриги выявляет впечатляющую *специфику* заката американской гегемонии в конце XX в. Тем не менее общий вывод таков, что за нею последует возвышение Китая как наиболее вероятного нового гегемона, то есть логика «системных циклов накопления» продолжит действовать и в XXI в. так же, как и в предыдущие времена [1, гл. 6-9. Эпилог].

² Аналогичные идеи о непрогнозируемости можно встретить у Валлерстайна и в других местах [4, с. 28, 47, 68, 119; 5, тезис 32 целиком, с. 75].

той части суши», «конструируя» из социальной системы все, что им вздумается. Естественно, исходя из такой логики, даже *поставить* вопрос об *объективных* причинах, позволивших этому феномену возникнуть и просуществовать в бурно развивающемся мире целых семьдесят лет, невозможно.

Но так ли это? Действительно ли история прошедшего столетия является продолжением «нормальной» истории капитализма, связанной с «обычным» накоплением капитала и «стандартным» процессом смены гегемонии? Или дело не только в этом?

Преыдущие «смены гегемоний» сопровождалась разного рода национальными революциями, «мировыми войнами», разрушением колониальных систем преыдущих гегемонов. Чего *ранее* не было *никогда* – так это полного «выпадения» из капиталистической мироэкономики огромных, *ранее включенных в нее территорий*, как это произошло с «социалистической системой». Не наблюдалось прежде и такого *разнообразия моделей национального развития*, от фашизма до социализма в его различных версиях, и *тотального* крушения колониальной системы.

Применяя излюбленный И. Валлерстайном синергетический термин, можно сказать, что миросистема *уже в самом начале XX в.* попала в «точку бифуркации», связанную с *частичной* хаотизацией преыных структур и с поиском на уровне «национальных государств» *новых моделей развития*, каждая из которых претендовала на то, чтобы, победив прочие, стать *единой глобальной моделью* для глобальной миросистемы. Данный поиск и представлял собой *флуктуации* в сложной системе, служащие симптомом того, что она попала в точку бифуркации.

Необходимо сказать, что некое подобие такой универсальной глобальной модели развития было почти сразу же предложено на *теоретическом* уровне. Речь идет о доктрине «Соединенных Штатов Европы» К. Каутского. Но поскольку в основе предшествующего структурирования миросистемы лежали «национальные государства», *практический* поиск новых моделей для миросистемы начался на «локальном» уровне – в рамках отдельных государств. В результате возникли такие феномены, как «реальный социализм» советского образца, итальянский фашизм и германский национал-социализм, «Новый курс» в США, «маоизм» в Китае и т.д. Последней по счету попыткой был «монетаризм» и «военное кейнсианство» американских администраций Р. Рейгана и Дж. Буша-мл.

Каждая из этих моделей, будучи «национальной», претендовала тем не менее на универсализм, на применимость в масштабах всей миросистемы, то есть на то, чтобы из простой «флуктуации» в системе превратиться в ее «аттрактор». Если брать весь долгий период с конца XIX в. и до нынешних времен, можно констатировать, что в целом «раскачивание системы» шло между двумя крайними

позициями – «рынком» и «планом» («редистрибуцией»). При этом с тенденцией постепенного отказа от крайностей и движения от «чистого рынка» эпохи фритредерства в сторону «регулируемого рынка», сочетающегося с выстраиванием «государства благосостояния» и «выращиванием» «среднего класса» внутри каждого «национального государства», с заключением межгосударственных «системных соглашений», определяющих не только правила военно-политического поведения государств, как это было в XVII–XIX вв., но и частично регулирующих посредством *универсальных* правил международную торговлю, валютную и финансовую политику. В конечном итоге «аттрактором» становится некая «средняя» «планово-рыночная» модель, точнее, модель глобального регулируемого из одного центра рынка.

Откуда взялись все эти флуктуации миросистемы именно в XX столетии?

XX век, кроме всего прочего, начался, как это отмечали сами сторонники миросистемного анализа и как ранее описывал В.И. Ленин, с момента достижения миросистемой своих «естественных границ» – она стала глобальной и охватила собою всю поверхность планеты. Европейская (в широком смысле – включая ранее присоединенную к ней Америку, Австралию и «примкнувшую» к ней с начала XVIII в. Россию) мирэкономика подчинила себе все прочие страны и континенты, превратив их в свои периферии и полупериферии. «Территориальный раздел мира» был закончен, мирэкономическое ядро получило доступ ко всем наличным ресурсам Земли. Настало время их «раздела» и интенсивного освоения. Представляется, что это и стало *основной причиной* «разбалансирования» миросистемы. Достижение сверхсложной системой «пределов» пространственного роста, ситуации, потенциально чреватой *исчерпанием ресурсов* и вызвало ее попадание в состояние «бифуркации».

Рынок и демократия являются теми бонусами, которые География предоставляет Истории отдельных цивилизаций, имевших счастье возникнуть и развиваться там, где почти в любой исторический момент существует пространство для расширения и где, следовательно, множество еще не освоенных «внешних» ресурсов являются *технически доступными* для наличного уровня развития технологии. Благодаря этому существует их постоянный приток внутрь системы, что делает возможным их «освоение» частными лицами, так как высокий процент людей всегда оказываются в состоянии отыскать внутри или вне системы «свои» ресурсы. Отсюда – *рынок как оптимальная модель экономического роста и та или иная форма демократии как оптимальная модель политической организации*.

Длительное существование социума в условиях «переполнения» им его «вмещающего ландшафта» или его *искусственной изоляции* от внешнего рынка, происходящей, как правило, из-за жела-

ния *защитить собственные ресурсы от «ограбления» более технологически продвинутыми участниками этого рынка*¹, приводит к блокированию в этом социуме возможностей развития по рыночным моделям, *расширению редистрибуции, становлению авторитаризма* в сочетании с относительным эгалитаризмом и в ущерб демократии. Классическим примером первого рода является Китай на протяжении большей части его истории, начиная с IV в. до нашей эры (до 1990-х гг. Империя Инков). Классическим примером второго рода служит история СССР с 1929 г. по 1991 г. и всей «социалистической системы».

«Нерыночная» историческая динамика характерна не только для азиатских стран и России. История Западной Европы знает пример появления и длительного существования подобной модели. В I веке до н.э. средиземноморская «рыночная» мироэкономика, после серии «флуктуаций» (попытки реформ братьев Гракхов, Союзническая война, диктатура Суллы, восстание Спартака и др.) выбрала подобную «смешанную» «рыночно-редистрибутивную» модель, что выразилось в «системе Принципата». Позднее эта модель «скатилась» к почти чистой «редистрибуции» эпохи Домината, но на это имелись особые причины. Главной было относительное снижение капиталоемкости и увеличения трудоемкости производства в условиях увеличения дефицита ресурсов (в частности земель, пригодных для продуктивного товарного производства), на что система ответила более широким распространением рабства в сельском и в городском хозяйстве. Это, в свою очередь, все более сужало размеры античного «среднего класса», соответственно, массовую покупательную способность, емкость рынка и возможности для прибыльной работы античного «бизнеса». «Побочным» следствием явилось также распространение в широких массах «граждан» презрения к физическому труду. Второй причиной была необходимость изъятия огромной доли средств на защиту системы от внешнего давления со стороны варваров. Все это в конечном счете привело к блокированию технического прогресса и крушению античной цивилизации.

История XX в. характеризуется наложением друг на друга двух разных процессов. С одной стороны, мироэкономика, став глобальной и достигнув своих «естественных границ», *продолжает* углубленное освоение «внешних» ресурсов в их пределах в рамках модели своей традиционной «рыночной» динамики, связанной с ее предшествующей «ресурсной избыточностью». Этим обусловлено продолжение действия типичных для таких систем смен «циклов гегемонии» (по Валлерстайну) или «системных циклов накопления»

¹ Причиной «ограбления» служит *неравный обмен* между ядерными и периферийными странами в рамках единой мироэкономической (рыночной) системы. Этот вопрос хорошо разобран во множестве работ представителей миросистемного анализа.

(по Дж. Арриги), «переносов» инвестиционно наиболее емкой и наиболее привлекательной для «рынка» площадки из одной страны в другую, располагающую большим объемом ресурсов и более выгодным расположением в структуре глобальных ресурсных потоков (то есть в меняющейся планетарной системе транспортных путей). В рамках этой тенденции гегемония в мироэкономике переходила от североитальянских городов к Голландии, затем к Великобритании и США. В рамках данной тенденции можно было бы ожидать перехода этого лидерства к Китаю в недалеком будущем.

Однако, с другой стороны, более важную роль начинает играть вторая тенденция, похожая на ту, что имела место в поздней античности, связанная со сменой ситуации «ресурсного изобилия» на ситуацию «ресурсной ограниченности», в рамках которой «рыночная» мироэкономическая модель в принципе действовать не может и обязана смениться на «смешанную» либо на «редистрибутивную» – в зависимости от степени ресурсного дефицита в системе. Интуитивно «ощущая» это, система и начинает «раскачиваться» и «флуктуировать». Поэтому, наряду с «традиционными» моделями «тридцатилетних войн», когда за гегемонию боролись между собой «рыночные» державы, в XX в. мы наблюдаем участие в этой борьбе стран с принципиально иными моделями «системной организации» (социалистический СССР, нацистская Германия).

Поэтому итоговые «системные соглашения», фиксирующие переход гегемонии от одной страны к другой, сопровождаются не только очередной «рекодификацией» международного права, как это было с Вестфальским миром или Венским конгрессом, но и созданием постоянно действующих глобальных международных институтов (Лига Наций, ООН, позднее уже в мирный период к ним добавились G8 и G20 и регулярно проходящие встречи мировой политико-экономико-экспертной элиты в Давосе и на иных форумах). Поэтому в рамках всех ведущих национальных экономик наряду с преобладавшей до XX в. тенденцией к либерализации «факторов производства» мы видим дополняющую ее тенденцию к *росту доли бюджетных затрат* в структуре национальных ВВП [11], то есть к «дополнению» «рынка» «редистрибуцией» на национальных уровнях. По этой же причине опережающим образом начинают развиваться технологии, связанные с ускоренным ростом наиболее мобильных и наиболее «глобальных» ресурсов – финансовых и информационных. Делаются первые попытки институционализации их регулирования (новые функции национальных банков, появление национальных и региональных стабилизационных фондов, международных рейтинговых агентств и глобальных финансовых структур, таких как МБ, МВФ и др.) с наделением этих институтов все большими полномочиями и объемами ресурсов. Тенденция к поляризации доходов и технической мощи между странами ядра и странами

ми периферии и полупериферии, о которой говорит И. Валлерстайн и которая *действительно* преобладала в капиталистической мировой экономике начиная с XVI в. и до середины XX в., в конце этого века начинает *необратимо* замещаться на *тенденцию к выравниванию* уровней развития. В свете устойчиво опережающего развития не только Китая, но и большого количества других крупных стран, таких как Индия, Бразилия, Турция, в том числе и после мирового финансово-экономического кризиса 2008–2010 гг., этот вывод уже не подлежит сомнению.

Что нас ждет впереди – возврат к «чистому рынку» (как утверждают либералы), создание «глобального социализма» (о чем продолжают мечтать ортодоксальные марксисты) или «хаос», из которого может вырасти все что угодно, вплоть до «мирового феодализма» или «мирового рабовладения» (А.И. Фурсов [9]) и даже разделения Человечества на «*расу рабов*» и «*расу господ*» (М.Г. Делягин¹).

Представляется вполне определенно: ничего этого не будет.

С точки зрения «ресурсного» подхода это естественно: система «закрылась» в «пространственном» смысле, перестав быть «ресурсно-избыточной», но поскольку *технический прогресс*, обеспечивающий «интенсивное» освоение «внешних» ресурсов, *не блокирован*, она не стала «ресурсно-дефицитной» в той степени, как это происходило, например, с античной цивилизацией III–IV вв. нашей эры или с Китаем в некоторые эпохи его исторического развития, когда «экологическая ниша цивилизации» заполнялась целиком, а технологии в течение сравнительно длительного времени не могли предложить ничего существенного для увеличения ее емкости². Сейчас, например, активно осваиваются нанотехнологии, биотехнологии и т.п., что обеспечивает постоянный приток в систему «внешних», ранее недоступных для использования ресурсов, хотя и не в таких масштабах и с большими затратами и усилиями, чем это было ранее, когда, например, в принципе тот же самый способ добычи нефти просто «переносился» в пространстве, скажем, из Пенсильвании и Техаса в район Баку или в Индонезию.

Соответственно, ни «рабство», ни «крепостничество» в таких условиях невозможны, поскольку просто *экономически непродуктивны* в условиях достаточно высокоразвитых технологий. *Отказываться* же от «благ цивилизации», в основе которых лежат именно эти технологии из-за соображений «сохранить господство» не будет никакой даже самый злонамеренный олигарх, поскольку луч-

¹ «...обеспеченная часть граждан... получают возможность усовершенствовать свои физиологические данные... и, вероятно, мыслительные способности... остальной мир превратится не более чем в их «дойную корову»» [8, с. 317].

² В универсализированном и поэтому несколько утрированном виде этот механизм описан у С.А. Нефедова на материале *всей истории всех аграрных обществ Востока* [10].

ше быть «простым гражданином» и жить в относительном комфорте, нежели «господствовать», не имея при этом элементарных бытовых удобств, присущих началу XXI в.

Если попробовать подвести итог и «поставить диагноз» эпохе, то можно сказать следующее. Мир *не* находится на пороге «хаоса» и «точки бифуркации», как предполагает теория миросистемного анализа И. Валлерстайна и его сторонников. Миросистема находится в *процессе трансформации*, связанной с переходом из «ресурсно-избыточных» условий своего развития в «ресурсно-ограниченные». Эта трансформация происходит примерно с начала XX в. и к настоящему моменту уже прошла через свою наиболее болезненную фазу, на которой закон «эволюционного коридора» безжалостно отсекает наиболее радикальные и потому непригодные модели глобального развития. «*Бифуркация*» близка к завершению, а миросистема близка к выработке наиболее оптимальной модели своего функционирования и развития в новых условиях.

«Капитализм», такой каким его понимали в XIX – начале XX столетия, как социальная система, конечно, прекратит свое существование, но не путем радикальной революционной ломки и «конструирования» в процессе «хаоса» некоего принципиально нового справедливого общественного устройства, а путем плавного реформирования, в центре которого будет выстраивание «многополярного» «мирового правительства», способного эффективно регулировать мировую рыночную динамику и централизованно направлять потоки ресурсов на решение глобальных и региональных проблем – экологических, демографических, социальных, проблем здравоохранения, обеспечения продовольствием, проблем, связанных с развитием образования и иных. Методы могут быть различными – от налогового стимулирования и льготного кредитования до прямого «мирового госзаказа».

Соответствующая «идеологическая подкладка» под эти практики не замедлит появиться. Не исключено, что для ее формирования, как и всегда, достаточно произвольно будут «надерганы» идеи и «ценности» из совершенно различных источников – христианских, буддистских, конфуцианских, исламских, либеральных и даже коммунистических. Доминантой, системообразующим ядром новой идеологии будет, видимо, некая «канонизация» «гуманистических» и «общечеловеческих» идеалов, но с акцентом на «общесистемные», а не на «индивидуалистические» ценности и цели, как это было типично для предыдущей эпохи.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Арриги Дж.* Адам Смит в Пекине: Что получил в наследство XXI век. М.: Ин-т общественного проектирования, 2009. 456 с.

2. *Арриги Дж.* Долгий двадцатый век: Деньги, власть и истоки нашего времени. М.: Территория будущего, 2006. 472 с.
3. *Валлерстайн И.* Геополитические миросистемные изменения: 1945–2025 годы. М.: Вопросы экономики, 2006. № 4. С. 67–83.
4. *Валлерстайн И.* Конец знакомого мира. Социология XXI века. М.: Логос, 2003. 368 с.
5. *Валлерстайн И.* Мир, в который мы вступаем: 2000–2050. (Сокращенный вариант доклада в Люксембургском институте европейских и международных исследований). Россия и современный мир. М., 2001. № 1. С. 64–75.
6. *Валлерстайн И.* После либерализма. М.: Едиториал УРСС, 2003. 256 с.
7. Глобализация сопротивления: Борьба в мире / Отв. ред. С. Амин и Ф. Утар. Пер. с англ.; Под ред. и с предисл. А.В. Бузгалина. Изд. 2-е. М.: УРСС, 2009. 304 с.
8. *Делягин М.Г., Шеянов В.В.* Мир наизнанку. Чем закончится экономический кризис для России? М.: Коммерсант-Эксмо, 2009. 352 с.
9. *Калашиников М.* Рукотворный кризис (Цикл бесед с А.И. Фурсовым). Ч. 1. Современная финансовая олигархия пошла по пути средневековых феодалов. Ч. 3. Перед лицом наступающей диктатуры «новых рабовладельцев» старые споры между левыми и правыми теряют смысл [Электронный ресурс]. – Режим доступа: webreading.ru/sci/_sci_culture/andrey-fursov-rukotvorniy-krizis.html (проверено 14.10.2010 г.).
10. *Нефедов С.А.* Факторный анализ исторического процесса. История Востока. М.: Территория будущего, 2008. 752 с.
11. *Ясин Е.* Государство и экономика на этапе модернизации. Вопросы экономики, 2006. № 4. С. 4–30.

RESUME

Igor Leonidovich Gapontsev, post-graduate student, Institute of Philosophy and Law, the Ural Branch of Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg. 8-912-214-21-84 gil5584@yandex.ru

The XX Century as a “Bifurcation Point” of Historical System of Capitalism (the Critical Analysis of the World-System Views on the History of XX Century)

The article represents the critical analysis of the world-system views on the history of XX century. It is supposed that the type of internal structure and, accordingly, the model of development of social systems depend on the degree of deficiency of the external resources. Such approach allows to interpret the history of XX century as a process of gradual transformation of market world-economy into the model of self-organizing.

Bifurcation point, world-system analysis, world-system, world-economy, model of development, system, environment, resources, resource deficiency, redistribution, market, democracy.

Материал поступил в редколлегию 18.10.2010 г.